

СТАРАТЕЛИ

(отрывки из повести)

Федька четвёртые сутки блуждал в тайге. Нет, он не заблудился, это был его лес, здесь он знал каждую тропинку. Вон за тем болотом дымит печными трубами его родное село. С опушки леса хорошо видна крыша родительского дома, но не мог парень подойти к родному дому, открыть скрипучую калитку, обнять отца, мать, сестрёнку. Однажды огородами он уже пробирался к дому, но милицейская машина возле ворот дома предупредила, что в доме его ждут крепкие парни в милицейской форме, а встречаться с ними Федьке ой как не хотелось. Пришлось парню огородами снова ретироваться в спасительный лес.

На болоте есть островок, где они ещё пацанами скрывались от родительского гнева. Тропинку через болото Федька знал хорошо. Там, на островке, и скрывался парень последнее время. Небольшой шалашик приютил его, спасая от непогоды. Питался парень теми продуктами, что мать

заботливо положила в его вещмешок провожая Федьку на призывной пункт. Но как быстро исчезли эти материнские подорожники.

Всё было хорошо, отгуляли проводы Фёдора в армию. Пьяно, весело отгуляли: с песнями, с плясками, с драками. Поплакала мать, отец дал своё пьяное напутствие сыну. В районный военкомат родители не смогли поехать, и провожали Федьку до города его закадычные дружки Петро с Гришаней. В автобусе ещё пригубили по стопарику, и в военкомат Федька заявился в приятном подпитии.

<...> Во дворе призывного пункта творилось что-то непонятное. Трое здоровенных бугаев «метелили» Гришаню. Петра нигде не было видно, а пинки да кулаки так и сыпались на бедного парня. Гришаня, прикрывая голову, старался уклониться от ударов, но силы уже покидали его. Вокруг топтались призывники, визжали девчонки, но никто не спешил помочь бедолаге. Один из бугаёв, рыжий в разорванной тельняшке, наклонился и вырвал штакетину из палисадника. Удар такой дубиной не обещал Гришане долгой жизни. Федька не помнил, как сорвал с пожарного щита, что стоял рядом с крыльцом, лопату и кинулся на помощь другу. Рыжий бугай поднял дубину, но опустить её на голову Гришани не успел. Его рыжая бестолковая голова как-то странно дёрнулась и, окрашиваясь в темно бордовый цвет, ткнулась в траву у палисадника. <...>

Как вещмешок оказался у него в руках, куда девался Петро и кто виноват в этой трагедии, Федька не знал. Одна страшная мысль стучала в виски: «Я убил, я убил, что теперь делать?» Федька остановился, чтобы отдышаться и привести мысли в порядок.

<...> Возвращаться домой парень поостерёгся: наверняка милиция там будет раньше его, да и на тракту, наверное, уже дежурит наряд. Но всё равно надо двигать поближе к родному дому, правда, идти придётся пешком и обходными тропами. А это дорогу удлинит как минимум втрое. Федька вспомнил, что за деревней на болоте есть кусок суши, поросший зарослями шиповника. Там они, ещё пацанами, построили шалаш, если он не развалился, приют на первое время для него обеспечен. «Ну что ж, вперёд, парень! Обратной дороги для тебя нет...», – подумал про себя Федька.

Три кошмарных дня показались вечностью. Страх придавил парня, он не мог приблизиться к родному дому, а лежать в шалаше уже было выше его сил. Вещмешок опустел, последняя горбушка хлеба превратилась в мелкое крошево, вода в болоте была грязная, с неприятным запахом аммиака. Видно, всё равно придётся выходить к людям: сдыхать в этой вонючей луже парень не собирался. Федька решил пробраться к дому Гришани, хотя понимал, что встреча с матерью друга не обещала ему ничего хорошего. А с другой стороны, это из-за него, Гришани, оказался он в таком аховом положении.

Федька выполз из шалаша, потянулся и подошёл к кромке болота, чтобы умыться хотя бы этой вонючей болотной жижей. Было ещё светло, в

деревню лучше идти в сумерках: меньше посторонних глаз, а Федьке не резон сейчас светиться. Сорвав с куста несколько поздних ягод шиповника, Федька поднял припасённую палку и, ощупывая дорогу, побрёл через болото. Вот и твёрдая земля, парень упал в траву, дальше идти было опасно. А впереди редкие дымы над крышами родной деревни, лай собак, мычание недоенных коров. Рано, слишком рано вылез Федька из своего убежища. Ничего, лучше он подождёт сумерек здесь, на опушке леса, чем нюхать эту болотную вонь. Парень перевалился на спину и закрыл глаза, положив руки за голову.

Наверное, он уснул, а может, просто лёгкая дрёма помутила сознание, но очнулся парень от странного чувства, что он не один. Обшарив взглядом соседние кусты, Федька споткнулся о цепкие, настороженные глаза человека, стоящего за соседним кустом. Некоторое время глаза пришельца строго смотрели на парня, как бы старались понять, кто перед ним. Потом тёплые искорки согрели взгляд незнакомца, и с улыбкой из-за куста вышел старик с кошелёвкой в руках. Среднего роста, ещё довольно крепкого телосложения, лишь небольшая седая бородка да избитое морщинами лицо выдавали возраст незнакомца.

– Приветствую вас, молодой человек! – в глазах старика веселятся бесенята. – Решили отдохнуть под луной? Вон она милая из-за леса подымается? <...>

– Сейчас я должен трястись в эшелоне по пути в воинскую часть, – начал Федька.

– А ты решил дезертировать? – закончил за парня старик.

– Я человека убил, – тихо прошептал Федька. – Не понимаю, как это случилось, почему это случилось именно со мной? Избивали моего друга, жестоко избивали, и всё равно это меня не оправдывает. Я убил человека, – тупо повторил Федька.

– Да, – старик поскрёб седую кудель на голове. Кажется, он был в замешательстве. – Что же нам с тобой делать, парень? Домой тебе пока действительно нельзя.

Некоторое время сидели молча. В деревне уже зажглись огни, плотные сумерки опустились на лес, на землю, на потемневшие крыши домов. Старик горестно вздохнул.

– Да, вляпался ты, парень, но не отдавать же тебя на съедение закону, давай попробуем повертухаться. К мальцевскому дому незаметно пройти сможешь?

– Огородами запросто. <...>

К дому Григория Мальцева Федька добрался уже в полной темноте, но деревенская улица жила своей неповторимой и до боли знакомой парню жизнью. Где-то на другом конце деревни, наверное, возле дома Егоровны играла гармошка. В деревне был неплохой клуб, но в летнее время по какому-

то неписаному закону молодёжь всегда тянулась к домику старой самогонщицы, и только осенние заморозки возвращали парней и девок в стены сельского клуба. У Федьки сладко заныло где-то под ложечкой, любил парень эти весёлые молодёжные посиделки.

– Иди сюда, Фёдор, я уже озяб, ожидая тебя, – от небольшого стожка сена, что приютился на огороде, навстречу парню шагнул старик. <...>

Из избы пахло теплом, жареным луком и ароматом каких-то трав. Григорий сидел возле стола, ковыряя шилом старый валенок, во рту зажата иголка с дратвой. Федька привалился к стене возле дверей, он всегда при входе в незнакомый дом испытывал какую-то робость. Нет, он был не из робкого десятка, но была у парня такая странная черта.

– Проходи, парень, что прилип к порогу, здесь все свои, – прокаркал хозяин. <...>

Федька прошёл к столу, сел на предложенный табурет и осмотрелся. Комната была большая, хотя снаружи дом казался не слишком большим. Русская печь делила комнату, и за печью, видно, был небольшой закуток, где проводил ночи хозяин. Стол посреди да телевизор на тумбочке возле окна претендовали на роскошь, хотя стол, очень изящный, полированный под красное дерево, явно был кустарного производства. На старенький диван возле стены Федька даже не обратил внимания.

– Бросай, Григорий, свои онучи, до зимы ещё далеко, успеешь починить, а парень голодный, кормить надо.

Хозяин, как по приказу, бросил валенок и по пояс залез в чрево русской печи. Чугунок, появившийся из печи, наполнил комнату таким дивным ароматом, что у Федьки сладко заныло в груди, напомнив, как давно он не ел ничего горячего. А хозяин не торопился, словно дразня парня. Он откуда-то из-за печи вынес три алюминиевых миски, большой половник и стал не спеша разлаживать по мискам большие куски мяса. Потом из того же чугуна зачерпнул несколько картофелин и полил всё жирным, наваристым бульоном. Федька захлёбывался слюной, а хозяин не спеша достал булку чёрного хлеба и стал нарезать крупные ломти, раскладывая их на большое блюдо. Не ожидая приглашения, Федька схватил ломоть хлеба и беспомощно перевёл взгляд с хозяина на Кирилла Матвеевича. Ложек на столе не было, а горячее без этого инструмента не похлебаешь. Хозяин извиняющее улыбнулся и снова скрылся за печкой. Появился Григорий с ложками в руках и тёмной бутылкой «самиздата». Самогонка вырвалась из чрева бутылки таким вонючим испарением, что Федька невольно зажал нос, хотя был знаком с этим произведением народных умельцев всю свою сознательную жизнь.

***

Обращаться за протекцией к начальнику управления не пришлось, Костя устроился шофёром на грузовую машину и через пару дней уже лихо заруливал, как заправский шофер. Машина была оборудована как дежурка, а

после доставки рабочих по объектам превращалась в хозяйственную машину. Работы было немного, но после первого рабочего дня, придя в домик, где квартировали рабочие, Костя чувствовал приятную усталость.

В комнате их было трое: высокий рыжеволосый очкарик и крепко скроенный зрелый мужчина с растатуированным торсом и такими же сизыми от наколок руками. Откликнулся он на «имя» Грек. Его круглая, как мяч, наголо стриженная голова, кажется, была прикреплена к плечам без помощи шеи, которая вообще отсутствовала. Невысокого роста, но налитый под завязку мускульной массой, он вызывал невольное восхищение. Крепыш знал себе цену и держался уверенно с солидной долей наглости. Он не сомневался, что окружающие для того и родились, чтобы исполнять любое его желание. Костя сразу насторожился, как только понял, с каким хищником он попал в одну клетку. Немногословный, с маленькими глазками, что как мышата прятались под кустистыми бровями, при первой встрече он не удосужился даже поздороваться, лишь хмыкнув, кивнул головой, проходя к своей кровати. Сбросив рабочую одежду, он взял большое полотенце, туалетные принадлежности и молча вышел.

– Он всегда такой разговорчивый? – поинтересовался у рыжего Костя.
– Может, какие неприятности на работе?

– У таких, как он, не бывает неприятностей. Давайте знакомиться, меня зовут Митяй, полное имя Дмитрий, но почему-то прижилось Митяй, наверное, так уж на роду написано до конца дней проходить Митяем. <...>

Вторым парнем, что оформлялся на работу вместе с Костей, был Федька Носов из деревни Подкаменной. Страх за содеянное в райвоенкомате заставил парня пойти на уговоры Кирилла Матвеевича, забиться подальше в тайгу. Даже с родителями не смог попроситься парень, только попросил Григория Мальцева, что отвозил его в экспедицию, чтобы тот сходил к отцу и рассказал всё о злоключениях сына. Вот так парень, мечтавший когда-то о профессии механизатора, стал землекопом. <...> Федька старался меньше показываться людям на глаза. После работы бездумно валялся на кровати, иногда спал, а больше перелопачивал в голове события последних дней. Да и уставал парень от непривычной работы, сильно побаливала спина от напряжения.

Комната, в которой поселили Фёдора, была большая. Пять человек притирались друг к другу привычками, характерами, взглядами на жизнь. Не всегда эти взгляды совпадали, и моментально вспыхивали ссоры на пустом месте, буквально по любому пустяку, и это корбило Федьку. И всё же здесь было лучше, чем на болоте.

Однажды после работы Федька пошёл на речку помыться, его догнал парень с полотенцем на плече. Несколько дней назад их свела судьба у инспектора отдела кадров, потом он видел его за баранкой автомобиля, что доставлял рабочих на объекты.

– Привет, коллега, – дружелюбно поздоровался парень. – Как привыкаешь к лопате, не тяжело работать на шурфе?

– Приятного мало, – улыбнулся Федька, – спина не приучена на такой работе гнуться. Я год как школу закончил с тройками, в институт дорога закрыта, вот и пришлось идти на эту чёрную работу. На будущий год попробую в техникум поступить.

– А в своей деревне работы нет?

– Только на своём хозяйстве, а велико ли оно, своё-то: пара поросят, да кур с десятков – там и отец справляется.

Парни подошли к речке, неширокая, но быстрая и холодная даже в жаркие дни, она явно вытекала из каких-то подземных глубин.

– Эту речку у нас в деревне старожилы зовут Золотой, хотя официальное ее название Подкаменная. Почему прикипело к ней это название, никто не знает. Правда, с уходом старого поколения и название речки сглаживается. Да и какая она может быть Золотая, скорее Холодная или Быстрая – это ей больше подходит.

Парни умылись и присели на выброшенное половодьем бревно. За речкой шумит тайга: берёзки и осины уже оделись в осенний наряд, скоро облетят листья и останутся они, нагие, ожидать зимних холодов. Уже не слышно птичьего щебета, видно, позвала и их дальняя дорога в нелёгкий осенний перелёт. Какая грустная красота! Костя редко бывал на природе и особенно остро чувствовал эту прелесть увядающей природы.

– Дома сейчас топят печь, мать, наверное, подоила Зорьку, а сестрёнка пудрит носик, собираясь на вечерку, – грустно улыбается Федька.

– Рыба водится в этой холодной речке или нет? – отвлекает парня от грустных мыслей Костя.

– А как же, – загорается парень, – здесь ловят замечательных чёрных хайрюзов. Но эта рыба осторожная, и не каждый сумеет её поймать. Вот обживёмся немного, я закажу себе снасти, и, если ты не против, попробуем рыбацкого счастья на зорьке. Красота!

– Послушай, ты же ведь из здешних, на выходные можешь домой смотаться, да тебе ли грустить о доме.

Парень как-то горестно вздохнул и опустил голову. <...>

– Пошли, а то скоро столовая закроется, а на ночь перекусить не мешает. Ты, кажется, в крайнем домишке живёшь? А мой вон, третий с краю, заходи, поболтаем, может, и на рыбалку соберёмся. Скажи, а что здесь раньше было, ведь кто-то жил же в этих домах?

– Здесь староверы жили, богатое было поселение, а потом люди куда-то ушли. Дома вот остались да кладбище, вон за тем холмом.

– Грустная история, жили люди, во что-то верили, чего-то добивались, и вот остались после них только дома, которые они, возможно, сами и поставили в надежде на лучшую долю.

–А ты, наверное, неплохой парень, – вдруг выдавил Федька, – может, мы с тобой и подружимся.

Прощаясь, он поднял руку и свернул к своему дому. <...>

***

Уже больше недели шоферил Костя Утюгов. Работа не очень удручала привыкшего к труду парня, иногда даже приносила удовольствие. Вот и сегодня, развезя рабочих по точкам, Костя остановил машину в приглянувшемся месте на берегу речки. Спустился к воде и присел на небольшой камень. Хорошо! Какая-то первозданная тишина, только речка шумит на перекате, да деревья тихо переговариваются под ветром. Пернатое население притихло в предчувствии близкой зимы, а некоторые из собратьев уже улетели в тёплые края. Первые жёлтые листья плывут по холодной, быстрой воде, лес одевается в свой осенний наряд. Костя поднял окатыш и, целя в проплывающую корягу, замахнулся, но бросить не успел: совсем рядом тишину нарушил плеск воды. Неужели нашёлся любитель холодных процедур? Парень повернулся на плеск воды и остолбенел. Рядом, буквально метрах в десяти от него, в речке плескался огромный медведь. Что делал зверюга, умывался или ловил рыбу, парня мало интересовало. Первым, не совсем осознанным желанием было делать ноги, но трезвая мысль подсказала затаиться и не выдавать своего присутствия. Тем более, парень где-то читал, что в это время года зверь не опасен для человека и при встрече сам старается уйти от ненужного общения. Но читать – одно дело, а сидеть почти рядом и наблюдать за водными процедурами зверя – совсем иное. Каждая жилка трепетала в организме, парень был готов сорваться с места и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Сколько продолжалась эта водная феерия, Костя не знает, время остановилось для него. Он уже с неподдельным интересом наблюдал, как огромная туша в прекрасной цигейковой шубе упала в воду и, переворачиваясь с боку на бок, фыркает от удовольствия. Лишь одна удивительная мысль сверлила сознание парня: как же недалеко мы ушли от этого косолапого представителя дикой природы.

Вдруг небо разверзлось шумом и треском цивилизации. Почти касаясь верхушек деревьев, огромная механическая стрекоза пролетела над речкой, вспенив воду, как закипающий котёл. Ни тишины, ни очарования природой, снова трудовые будни, профессиональные обязанности и забота о куске хлеба на завтрашний день. А где же медведь, и было ли это водное представление? Тайга приняла в свои объятия, укрыла от постороннего глаза своего постоянно прописанного обитателя. «Окончен бал, погасли свечи», – грустно улыбнулся Костя и направился к машине.

***

<...> Костя проснулся задолго до восхода солнца. Ещё вчера он подготовил рыболовные снасти, решив воскресный день посвятить своей давней утехе – рыбалке. Любил парень посидеть с удочкой у тихого речного заливчика, посмотреть восход солнца, послушать пробуждение природы. Лирические струны в такие моменты звучали особенно проникновенно в милицейской душе парня. Хотелось петь и плакать, а причину этой меланхолии Костя и сам не смог бы назвать, да и не любил парень копаться в своих чувствах.

<...> Наскоро одевшись, Костя вышел в холодный утренний сумрак. Машина стояла возле дома, всё нужное для рыбной ловли с вечера погружено в кузов дежурки. Восточный край неба уже начал покрываться бледной плесенью, но до рассвета было ещё далеко. Костя решил съездить к устью речки Еловки, что протекала в семи километрах от поселения геологов. На этой речке парень не был ни разу, но его заинтересовали разговоры рабочих об этой небольшой речушке. От многих он слышал, что речка проклята староверами, что в тех местах не раз пропадали люди. Словом, какой-то Бермудский треугольник местного значения. Костя посмеивался над нелепыми вымыслами, тем более старожилы экспедиции уверяли, что рыба в речке водится, а это был главный козырь в пользу поездки.

Машина шла ровно, дорога была наезжена, вероятно, раньше ею пользовались часто. Дальний свет фар выхватывал придорожные кусты, одинокие деревья, что жались к кромке дороги, казалось, скоро они начнут выбегать на проезжую часть. Костя засмеялся своим нелепым мыслям. Какая-то ночная зверюшка перебежала дорогу, парень невольно притормозил машину, потом снова прибавил газу, увеличивая скорость. А вот и речка. Быстрая, холодная, рождённая где-то в предгорье Саян, несёт она свои воды, чтобы слиться в единый поток с водами Подкаменной, такой же своенравной горной реки. Дорога прерывалась возле самого берега, а на другом берегу появлялась снова. Здесь был брод через это водное препятствие.

Костя остановил машину возле речки, загнав её за большой куст черёмухи. Достав из кабины сумку со снастью, он пошёл по берегу, подыскивая подходящее место для рыбалки. Речка стремительно неслась среди каменных нагромождений, и бросать удочки в этот кипящий котёл было бессмысленно: леску неминуемо выбросит течением к берегу.

Наконец, парень увидел приличную курью – тихий водоём с обратным течением воды. Достав приготовленную с вечера подкормку, он разбросал её по поверхности. Костя собрал добротное, из дюралевых трубок удилище и снарядил снасть. В запасе была ещё одна удочка, но парень решил пока её не доставать. Для пробы надо покидать одну, а там будет видно.

Костя не верил в Бога, но прежде чем забросить удочку, он всё же перекрестился и сам засмеялся своей выходке. Не успел наплавать коснуться поверхности, как его кто-то энергично дёрнул, потом ещё раз, и цветной

сторожок скрылся под водой. Костя потянул удочку на себя, и золотистый окуnek затрепыхался в воздухе. Сердце парня наполнило давно забытое волнение, руки слегка дрожали, когда он снимал с крючка первую добычу. Клёв был отменным, за какие-то полчаса в ведёрке плавало с десятков окуней и крупных серебристых ельцов. Вторая удочка уже нашла своё место рядом с первой, парень еле успевал бегать от одной снасти к другой. Он не заметил, когда взошло солнце, не слышал, как хор пернатых приветствует рождение нового дня. Страсть рыболова захлестнула парня, но клёв прекратился также внезапно, как и начался. Поплавки застыли, рыба не клевала. Костя оставил удочки и пошёл к машине, решив немного перекусить. Парня остановил ружейный выстрел, прогремевший где-то рядом, кажется, на другом берегу речки. С соседней берёзы посыпалась кора, и большая щепка упала парню под ноги. Второй выстрел прогремел, когда Костя уже упал за колесо машины. Сомнения не было, стреляли в него. Но кому он мог помешать?

– Эй ты, что за шутки? – закричал парень. – Так можно и убить, ты что, совсем свихнулся? Выходи, поговорим!

– Убирайся отсюда! – раздался голос из глубины леса. – В следующий раз не пожалею.

– Ты кто? Выйди, поговорим по-людски!?

– Сматывай удочки, парень!

Костя осторожно вышел из-за машины. Выстрела не последовало. Тихонько, как будто боясь разбудить спящих, он продвинулся к курье, где стояли удочки. В тайге было тихо. Ведёрко с рыбой было перевернуто, рыба беспомощно трепыхалась в прибрежной траве. Костя поднял ведро, в боку рваное отверстие от пули. Значит, неизвестный стрелок действительно пожалел парня, и выстрелы были опасным предупреждением. Но кому он мог помешать? Сматывая удочку, Костя заметил, что в реке рядом с большим валуном что-то блеснуло. Парень, преодолевая страх, хотел забрести в холодную воду, но в кустах за рекой что-то щёлкнуло, то ли сломанная ветка, то ли взведённый курок.

Схватив снасти и дырявое ведро с рыбой, Костя бросился к машине. Через несколько минут машина уносила сильно озадаченного парня в обратном направлении. Страх уже не было, одна мысль сверлила сознание: «Чем он мог кому-то помешать? Что же за проклятие староверы наложили на речку? И староверы ли здесь виноваты?»

***

Костя поставил машину возле дома и зашёл в помещение. Постояльцев дома не было. Он сел на кровать и крепко задумался, хотя за время в дороге, кажется, были обдуманы все варианты. Неужели расшифрована цель его пребывания здесь, в геологической партии? Нет, это маловероятно. Значит, действительно для кого-то было нежелательно его появление на этой речке. Но почему, почему? Костя соскочил с кровати и

взволнованно заходил по комнате. Надо звонить Топоркову? За время пребывания здесь, в посёлке, Костя ещё ни разу не связывался с руководством, он хорошо помнил наставление Льва Силовича поменьше высовываться. Но, видно, это тот случай, когда необходимо посоветоваться с руководством.

На другом конце несуществующей нити будто ждали звонка Кости. В сотовом что-то щёлкнуло, и чуть искажённый расстоянием голос Топоркова заставил парня встать с кровати и внутренне подтянуться.

– Товарищ подполковник?

– Давай без званий, Костя, здравствуй. Ну, расскажи, как устроился?

– Здравствуйте товарищ..., – Костя споткнулся на полуслове, – обжился вроде нормально, Лев Силыч, вернее сказать, до сегодняшнего дня всё было нормально. А вот сегодня на рыбалке в меня какой-то пакостник стрелял.

– Что?! – в трубке на какое-то время замолчали... – А ну-ка, давай подробнее.

Костя рассказал подполковнику об утренней рыбалке, стараясь сильно не выпячивать опасность, что ему угрожала. Топорков из скупых слов подчинённого понял всю остроту ситуации. Какое-то время в трубке было тихо, потом спокойный, кажется, ни на йоту не взволнованный голос подполковника спросил.

– Ты как питаешься, Константин, столовая в посёлке есть?

– С этим всё в порядке, Лев Силыч, есть столовая и небольшая торговая лавка.

– Это хорошо, – в трубке снова замолчали. – А насчёт утреннего происшествия, есть у меня такая думка: хоть это и небезопасно, я думаю, стоит ещё раз съездить на эту речку. Конечно, это невероятно, но есть у меня подозрение, что кто-то охраняет неприкосновенность территории. Очень хорошо, что ты не взял с собой оружия, а то устроил бы перестрелку и расшифровал себя, а это сейчас, ой как нежелательно.

– Я всё понял, Лев Силыч!

***

Федька Носов был в плохом настроении, хотя «в плохом» – это слишком мягко сказано. Тоска по родительскому дому, неизвестность и неопределённость положения, в котором он оказался, угнетали парня. На работе, которая уже не казалась такой изнурительной, как в первые дни,

Федька немного забывался, но, приходя домой, не знал куда себя деть. Неизвестность давила, только здесь, возле речки, он находил успокоение. Присев на небольшой валун, Фёдор задумался: сейчас в родной деревне,

наверное, доят коров, во всех дворах топятся бани, парень даже почувствовал запах распаренного веника.

За спиной послышались чьи-то шаги. Федька сидел, не оглядываясь, он всё ещё был далеко от этого берега.

– Разрешите побеспокоить ваш сон, молодой человек, – геолог Матросов широко улыбался, как будто встретил старого друга, с которым не виделся долгие годы. – Ты эти места хорошо знаешь, Фёдор Анатольевич?

– Я здесь родился в селе Подкаменное, да я и вас иногда там видел.
<...>

– Завтра день нерабочий, поедешь со мной на Еловку, – уже приказным тоном сообщил Федьке Аркадий. – Надо осмотреть площадь, возможно, придётся там вести работы.

– Хорошо, как скажете, – неожиданно для себя самого согласился Федька. <...>

***

Костя не подозревал, что в посёлке геологов имеется мотоцикл. Он проснулся и ещё валялся в постели, когда услышал с детства знакомый рокот. Шустро выскочив из-под одеяла, парень подбежал к окну. Мимо дома, грохоча и чихая, промчался старенький «Урал» с коляской. За рулём стального мерина сидел новый знакомый Кости, молодой геолог Аркадий Матросов, а на заднем сидении неказистый мужичонка в штормовке с накинутым на голову капюшоном.

Сомнения не было, ранние путешественники держали курс по направлению Еловки. <...> Парень посмотрел на сожителей, что сладко похрапывали в своих постелях, и так сильно потянуло парня снова под тёплое одеяло. Но руки уже нашарили в утренних сумерках штаны, натягивали холодную рубашонку, а ноги сами заскочили в кирзовые сапоги сорок второго размера. Машина стояла возле дома, заправленная горючим и в любой момент готовая к выезду.

***

Мотоцикл, чихая на ухабах, бежал лесной дорогой. Опытные руки Аркадия крепко сжимали поводья стального коня. Федька, укрываясь от

встречного ветра за широкой спиной водителя, пережевывал свои беспокойные думы.

«Зачем тащит меня с собою этот странный парень, ведь дорога на Еловку одна, здесь некуда сворачивать, а значит, и заблудиться невозможно. За всю дорогу он ни разу не спросил, правильно ли едем, значит, дорога ему известна, и зачем тогда нужен Федька?»

Речка открылась неожиданно, мотоцикл свернул за поворот, и дорога оборвалась возле холодной, шумно оmyающей огромные валуны стремнины. Мотоцикл загнали в кусты, из люльки Аркадий извлёк резиновые бродни и переобулся.

– Я перейду на другую сторону, а ты покарауль технику, если кто появится возле речки, дашь сигнал. Всё понял?

– Так точно, товарищ начальник!

– Юморист, – засмеялся Аркадий и надвинул козырёк Федькиной бейсболки на глаза парня.

Аркадий, осторожно нащупывая ногами дорогу, побрёл через бурный поток. Федька, подойдя к самой кромке бурлящей стремнины, следил за переправой товарища. Вот Аркадий уже ступил на твёрдую землю и, оглянувшись, что-то прокричал, но шум воды заглушил слова. Парень вернулся к мотоциклу и решил перекусить. Ранний отъезд лишил парня полноценного завтрака, да он уже и сам забыл, когда по-настоящему, как бывало дома, завтракал. Фёдор достал прихваченный с собой свёрток с краюхой хлеба и хорошим куском колбасы и пристроился на пенёк возле мотоцикла.

В лесу было по-осеннему тихо. Только река пела свою вечную песню, нарушая покой природы. Где-то вдалеке слышался гул машины. А может, в ушах парня ещё не прошёл гул мотоцикла? Федька прислушался: нет, в лесу стоит удивительная тишина, просто показалось парню. Да и откуда здесь взяться машине в такое раннее время в воскресный день. Отбросив смятую газету из-под завтрака, он пошёл к речке попить. Холодная вода обожгла гортань, заныли зубы, Федька плеснул холодной влагой в лицо, утёрся подолом рубахи. Хорошо бы теперь заняться рыбалкой! Парень пожалел, что не захватил с собой рыболовные снасти. Да, собственно, своими принадлежностями для рыбной ловли он ещё не успел обзавестись, а попросить у сожителей, как-то не догадался. Да и Аркадий торопил со сборами. Федька постелил пиджак и прилёг на траву. Можно немного покемарить, всё равно делать нечего, а технику, что её караулить, здесь только медведь хозяин. Не успел Федька закрыть глаза, как совсем близко раздался треск, будто кто-то наступил на сухую ветку. Фёдор поднял голову, прислушался: тишина и покой, наверное, показалось. Парень снова закрыл глаза и провалился в сновидения, где нет ни тайги, ни речки, ни этих лесных шорохов.

***

Костя загнал машину в лес подальше от дороги и минут двадцать шёл пешком, стараясь не нарушать покой природы. Показалась речка, вернее, сначала она заявила о себе шумом воды на перекатах и холодным дыханием, потом открылась вся в своей дикой красе. Парень предположил, что мотоцикл, скорее всего, стоит где-то недалеко от дороги.

Осторожно ступая, он подошёл неслышанным, довольно близко к той стоянке, где спокойно спал Федька. Аркадия возле мотоцикла не было. Костя осмотрелся: кругом стояла тишина, ничто не указывало на присутствие человека. Парень не боялся, что его могут обнаружить, но что-то заставляло его быть осторожным. Скрываясь за мелкими прибрежными кустами, Костя стал продвигаться вдоль речки. Метрах в пятидесяти за поворотом реки он увидел Аркадия, тот сидел возле самой кромки реки, производя какие-то манипуляции. У него в руках было небольшое долбленое корытце. Парень понял, что геолог моет породу. Так когда-то добывали золото. Костя был далёк от этих технологий и никогда не видел, как моют золото, но он читал книги, смотрел кинофильмы, да и вообще, был парень не дурак, чтобы не понять, чем занимается Аркадий.

А тот увлечённо работал лотком, засучив рукава, рядом на берегу лежала куртка. Обернувшись назад, он что-то крикнул, к нему из леса вышел высокий мужчина средних лет, лицо скрывала обильно разросшаяся растительность. Старатели склонились над лотком, оживлённо обмениваясь мнениями. Косте тоже было о чём подумать. Причина всех несчастий в экспедиции, кажется, начинает вырисовываться. Но кто виноват в убийствах и кто задействован в этой старательской афере, надо выяснять. И надо немедленно связаться с Топорковым.

***

Рощин вернулся в партию через четыре дня. Удержался в своём кресле мужик, видно, о снятии с должности речи уже идти не может. В тот же день после работы начальник партии собрал общее собрание коллектива. После разбора текущих дел он объявил, что экспедиция получила новый план изыскных работ. Отныне работы переносятся в пойму реки Еловки, в коллектив прибывает несколько специалистов с опытом работы по разведке месторождений золота. Через несколько дней администрация обещает расплатиться по финансовым долгам, и впредь зарплата будет выплачиваться ежемесячно. Опыт оплаты за работу в конце сезона уйдёт в прошлое, работы будут вестись круглогодично, будут улучшены бытовые условия рабочих, и вполне вероятно, что появится возможность семейного проживания.

Рабочие взволнованно обсуждали нововведения в работе экспедиции, равнодушных не было. В столовой, на улице, в комнатах общежитий только и разговор о новых условиях работы в партии. Многие связывали это с общим улучшением экономического климата в стране. И никто не заметил, как сразу после собрания мотоцикл геолога Матросова протарахтел в сторону районного центра.

Костю Утюгова мало интересовали события, взволновавшие коллектив партии. Ему не давало покоя исчезновение Федьки, парень был уверен, что Носов не возвратился из той поездки на берег Еловки. И в этом замешан геолог Матросов.

Одно было непонятно: почему родные Федьки Носова сообщили, что он находится в розыске. Может, парень косит от армии? Костя взял телефон и набрал номер подполковника Топоркова. Лев Силыч оказался на месте, Костя попросил Топоркова связаться с районным райвоенкоматом и выяснить, не числится ли у них в бегах Носов Федор Анатольевич. Ждать пришлось недолго. Да, Носов покинул расположение призывного пункта после пьяной драки, в результате которой он нанес некому Тетерину сотрясение головного мозга без серьёзных последствий. Костя сообщил подполковнику об исчезновении Носова и его подозрениях относительно Аркадия. Подполковник посоветовал связаться с родителями парня, возможно, он прячется в родной деревне под крылом родителей.

***

Костя проснулся, как будто вынырнул из глубокого омута. Но и вынырнув, он не почувствовал, что расстался с тёмной бездной. Всё та же кромешная тьма окружала парня. Костя протянул руку, наткнулся на холодную, каменную стену, лежал парень тоже на каменном полу. Да что это за каземат пригрел его в своих холодных объятиях? Он стал вспоминать, что предшествовало этому пробуждению. Странное дело, память работала без вывихов и провалов. Костя хорошо помнит, как он навещал родителей Федьки Носова в деревне, помнит, как к нему подошёл геолог Матросов, заявив, что у него сломался мотоцикл. Постой, постой, а ведь до этого он видел Аркадия на другой стороне улицы чуть наискосок от дома Носовых. Он стоял со стариком, которого Костя видел второй раз, но ему казалось, что он его уже видел где-то до этого. Зыбкие воспоминания ускользали, но Костя почему-то был уверен, что в этих воспоминаниях кроется что-то важное, какое-то скрытое звено его работы. Постой, а что же было дальше? Они едут с Аркадием по таёжной дороге. Молоко, а при чём здесь молоко? Думай, парень, думай! Да, кажется, Аркадий попросил остановить машину. Всё, дальше полный провал, и как он оказался в этом каменном мешке Костя не помнит.

Сколько пролежал парень наедине со своими воспоминаниями, неизвестно. Порядком продрог парень – это да. зуб на зуб не попадал. Вдруг вспыхнул свет, и убранство каменного убежища предстало в полной красе. Одна небольшая дверь и всё: ни окон, ни минимального набора мебели, только лампочка под потолком слабо освещает убожество мерзкого Костиного приюта. Дверь без скрипа пропускает во внутрь крепко сколоченного мужика с бессрочной растительностью на одутловатом, давно забывшем о трезвой жизни лице. Он молча, с ехидной улыбочкой обходит вокруг лежащего на полу Кости, и вдруг безжалостный удар сапога прерывает дыхание парня.

Руки у Кости не связаны, и он мог бы достойно ответить, но не для того провидение направило парня в этот гадюшник, ради дела парень решил терпеть всё. А если эти олухи и дальше оставят руки свободными, он сможет вырваться из западни.

– Ну, здравствуй, милоч! Хотя здравствовать тебе осталось не долго. Я бы тебя, ментовская харя, прямо сейчас к прародителям отправил, да жена у меня очень уж любит с такими молодыми красавчиками поиграть. А сейчас скажи мне, ментяра, что ты вынюхивал в экспедиции? <...>

***

Грек проснулся от тихого стука в окно. От этого стука в ночи парню вдруг стало как-то тревожно. Никто никогда не будил его в полночь, тем более таким таинственным стуком. Почему-то сразу всплыло в памяти недавнее исчезновение Утюга. Грек был почти уверен, что за окном стоит Утюг, и что этот стук повлечёт за собой новый виток не совсем приятных приключений. Мужчина, который всё ещё ощущал себя парнем, любил тихую, спокойную, размеренную жизнь, где всё понятно, всё предсказуемо. Да, он был не совсем управляем во хмелю, но в душе он был агнец, и не надо его будить по ночам этим стуком в окно. Чертыхаясь, Грек поднял с кровати свою большую голову и сто десять килограмм тренированной мужской красоты. За окном снова постучали, Грек сбросил крючок и высунул в ночную изморозь свою стриженую голову.

– Но, кто там барабанит? По башке себе постучи, – хриплым со сна голосом протрубил Грек. – Утюг, ты что ли?

Из темноты нарисовалась мальчишеская фигура Федьки. Голова парня взлохмаченная, лицо покрыто потом, дыхание прерывистое, как у загнанной лошади. Грек понял, что ещё немного и парень упадёт от изнеможения. Он схватил его за ворот куртки и втащил в помещение.

– Ну, здравствуй, пропащая душа! Да где тебя черти носили целую неделю? Ты понимаешь, что из-за тебя весь посёлок на ушах стоит?

– А то, что Костю в любое время могут жизни лишить, кого-нибудь беспокоит?

– Что, что ты сказал, несчастный? Кто это посмел поднять руку на Костю? – голос Грека уже не хрипел, а гремел, как боевая труба. – А ну рассказывай толком, что ты тут сопли жуёшь, несчастный!

Уже немного отдышавшись, Федька наскоро рассказал свои злоключения и о неожиданной встрече с Костей, запертым в одной из комнат таёжного дома. Грек, как затравленный, забегал по комнате, Митяй, проснувшись, сидел в постели, происходящее, кажется, мало волновало парня, он вымученно зевал. Предложение Федьки немедленно идти к приезжему следователю не воодушевляло Грека. Не очень уважал парень людей подобной профессии, но идти было надо, это и Грек понимал своим зашоренным умом.

Он нехотя натянул брюки, положил в карман пачку сигарет и, сдернув с вешалки рабочий бушлат, молча показал Федьке на дверь. Митяй снова залез под одеяло, ему надо было досмотреть прерванный сон, а что где-то

там, в тайге, погибает товарищ, так есть люди, которые обязаны прийти на помощь, они за это деньги получают. В доме снова была тишина, даже мухи спали в этой паутине тишины.

***

Николай Фомич проснулся среди ночи и лежал с закрытыми глазами, стараясь снова заснуть. До утра было ещё далеко. Думы, думы не дают заснуть старому следователю. Дело по убийству поварихи местной столовой, кажется, можно уже и закрывать, осталось взять показания ещё одного товарища, а там и домой, к семье пора. На стук в окно Николай Фомич сначала не откликнулся, подумал, что показалось, но повторный, настойчивый призыв о помощи – ведь иначе старый следователь подобные визиты не воспринимал – поднял его с постели. Натянув трико, Николай Фомич открыл дверь. С парами холодного воздуха в комнату вошли два молодых человека: одного из них, здоровяка с исклотыми до плеч руками, Николай Фомич пару дней назад допрашивал по делу поварихи, с другим не имел чести быть знакомым, но лицо парня он уже где-то видел.

– Доброе утро, гражданин начальник! – прохрипел здоровяк, – извините, что не даём спать.

– Скорее доброй ночи, – серьёзно отозвался следователь. – Что привело в столь неподходящий час?

– Вот, привёл к вам гражданина, который пропал несколько дней назад. Вы меня пытали про этого парня в нашу последнюю встречу.

– Фёдор Носов? – следователь вспомнил, что видел этого парня на фотографии из отдела кадров. – Так, так, значит, объявился пропадающая душа?

– Вы сначала послушайте, что он рассказывает, ещё не так удивитесь.

– Меня трудно чем-либо удивить, особенно среди ночи, когда душа ещё должна спать. Ну, рассказывай, парень, где был, что видел?

– В восьми километрах отсюда, на горной речке Еловке, преступники незаконно добывают золото. Я последнее время жил и работал там. Меня обманом увёз туда наш геолог Матросов Аркадий, он у них вроде технического руководителя. Сами-то они в промысле профаны, они только кулаками работать мастера – вот и держат в своей артели человек восемь бывших зэков, некоторые из которых беглые. А два дня назад привезли поздно вечером нашего шофёра Костю в бессознательном состоянии. Я сам не видел, когда его привезли, слышал только разговор Ахмеда с Дикарём – это наши надсмотрщики, – а вчера я разговаривал с Костей через дверь. Он сидит в наручниках, и его сильно избивает жена хозяина по кличке Оса, тоже бывший зэк. Костя что-то знает об этой шайке, и его в любую минуту могут убрать.

Грек замычал, как от зубной боли, Николай Фомич подошёл к окну и долго смотрел в ночную непроглядь. Потом, достав из прикроватной тумбочки сотовый телефон, следователь набрал номер и вышел в соседнюю комнату.

***

Сколько удалось поспать парням в ту ночь, да и удалось ли, неизвестно. Когда смолк грохот двигателей вертолёт, они уже бежали к месту приземления винтокрылой птицы.

А из чрева машины выпрыгивали молодые крепкие ребята в камуфляжной форме.

– Девять человек, не маловато ли будет? Ведь бандитов там десятка полтора, – в голосе Федыки звучала тревога.

– Зато какие ребята! Это тебе не менты, а настоящая армия, из которой ты дал деру, пацан, – авторитетно заявил Грек. – А насчёт числа, так мы же не фраера, поможем.

От вертолёт навстречу появившемуся из правления Николаю Фомичу подошёл молодой капитан. Они пожали друг другу руки, о чём-то несколько минут поговорили, потом следователь районной прокуратуры взмахом руки предложил парням подойти к себе. Парней долго просить не надо, они бегом подбежали к Николаю Фомичу и вновь прибывшему капитану.

– Вот, товарищ капитан, тот самый герой, что принёс нам весть от Константина. Он работал на этого Осу, а здесь в тайге скрывается от призыва в армию, но это совсем другой разговор.

– Подходящая площадка для посадки вертолёт возле логова бандитов есть? – обратился к Федыке капитан.

– Наверное, нет, дом стоит в зарослях берёзы и ольхи, его можно разглядеть только с близкого расстояния. Да и по берегу речки заросли кустарника. Нет, вертолёт там, наверное, не сядет.

– Молодец! – неизвестно за что похвалил капитан Федыку. – Придётся добираться на машине, надеюсь, в хозяйстве есть подходящая?

– Вон идёт начальник партии, – указал следователь на спешащего к вертолёту Рощина Германа Васильевича. – Насчёт транспорта будем разбираться с ним.

– Здравствуйте, товарищи! – пожал руки представителям закона начальник партии. – По какому случаю шум ни свет ни заря?

– Срочно нужна машина, Герман Васильевич, – не отвечая на вопрос начальника партии, обращается следователь.

– У нас есть дежурка, но нам надо вывозить людей на точки.

– Придётся нарушить ваш график работ, – вмешивается капитан. – Мы забираем машину, и сколько она пробудет в нашем распоряжении, неизвестно.

– Надо так надо, – вздыхает Герман Васильевич. – У нас шофёр с этой машины исчез.

– Вот шофёра как раз мы и идём выручать. Похитили вашего шофёра нехорошие люди, могут и всю экспедицию похитить, если мы не поможем, – пошутил капитан. – А этот молодой человек что здесь делает? – обратил капитан внимание на стоящего возле Федьки Грека.

– Это друг Константина, парень горит желанием идти на выручку другу, – не без иронии заметил Николай Фомич.

– Не замечал я раньше у Утюжка таких разрисованных друзей, – удивлённо разглядывая татуировки на руках Грека, бормочет чуть слышно капитан Наумов. – Я бы сказал, что не положено гражданским вмешиваться в работу спецназа, но раз друг в опасности, мешать благородному порыву было бы бесчеловечно. Ладно, запомни, парень, одно: вперёд батьки в пекло не лезть, выполнять все приказы старших беспрекословно, перед арестованными руки не распускать.

– Я всё понял, гражданин начальник.

– Гражданином я тебе буду, когда ты придёшь ко мне в кабинет с руками за спиной, а пока давай разговаривать как товарищи.

– Понятно, товарищ капитан!

– Вот так-то лучше. Как звать тебя, товарищ?

– Алексей Греков, товарищ капитан!

– Знаменитая фамилия, такую фамилию надо носить с особой гордостью.

Наверное, давно позабыл прошедший огонь и воду парень из сибирской деревни Алёшка Греков, что такое краснеть от стыда, когда уши горят, и все вокруг видят, как тебе нестерпимо совестно. Но этот странный капитан уже отошёл от парней и что-то строго выговаривал молоденькому лейтенанту. Подошла машина, место водителя занял один из бойцов спецназа, прозвучала команда к посадке. Всё было спокойно, без спешки и суеты. Когда машина покидала посёлок, небо на востоке начинало чуть светлеть, а в тайге всё ещё стояла чуткая, сонная ночная хмарь, тайга ещё продолжала спать.

***

За окном глубокая ночь, а за стеной шум и гам ночного гульбища. Фальшиво, как нестройный мужской хор, плачет гармошка в чьих-то неумелых руках. Песню сопровождает грубый, грязный мат, женский визг, звон

разбитого стекла и шум потасовки. Через десять минут пьяного побоища наступает тишина, слышен звон сдвигаемых стаканов, чьи-то неразборчивые выкрики, и вдруг словно вой одинокой волчицы: «Поедем, красotka, кататься, давно я тебя поджидал». Нет, это не песня – это стон, крик о помощи в равнодушную пустыню.

Костя узнал этот голос, совсем недавно он пел другую песню: «Ахмед, Дикарь надеть на него наручники!» Эта песня ещё долго будет звучать в ушах Кости. Когда лежишь, не шевелясь, тело не напоминает болью о недавней экзекуции. Парень совсем не чувствовал голода, хотя «кормильцы», видно, забыли о нём, но вот жажда напоминала о себе. Пить хотелось нестерпимо, во рту было сухо, как в пустыне Сахаре, даже сплунуть горечь нечем. Костя вспомнил последнюю вылазку на рыбалку, прохладу чудесной ночи на берегу Байкала, прозрачную чистоту волн, набегающих на прибрежную гальку. Постой, постой, парень, ведь последний раз ты рыбачил здесь, на речке Еловке или забыл, как прятался за машиной от чьих-то выстрелов. С памятью у парня всё было в порядке, не смогли выбить память, а тело заживёт. Как хорошо бы сейчас уснуть, ночью, видно, его тревожить уже не будут, а утро принесёт новые, не совсем приятные приключения, которые надо будет пережить достойно. Костя то проваливался в дремоту, то снова всплывал из небытия. Он пропустил тот момент, когда в доме наступила тишина. В очередное всплытие на зыбкую поверхность Костя не сразу понял, продолжение кошмарного сна перед ним или страшная реальность. Со свечой в руках (вероятно, в доме погас свет) закутанная в простыню перед ним стояла его недавняя истязательница. Глаза женщины – цвета самогонки, как глаза голодной собаки перед аппетитной косточкой. Костя не сразу понял, что от него надо этой бабе, во всяком случае хлыста в её руках не было –и это уже успокаивало.

– Не спишь, красавчик?

Костя не ответил на бесполезный вопрос, разве не видно, спит он или нет. Он всё ещё не мог сообразить, что надо этой сумасшедшей женщине.

– А я вот решила осчастливить тебя. Такой молодой, красивый парень погибает в этой вонючей комнатенке, а ведь в моих силах помочь тебе.

Простыня упала к её ногам, и бесстыдная нагота женщины обожгла своей неприкрытой, жалкой мерзостью. И всё же она была чертовски красива в этой вульгарной демонстрации своих прелестей. Красивые округлые плечи, руки, как два крыла какой-то хищной птицы, слегка обвислые небольшие грудки немного портят картину, но самую малость. Точёная талия плавно переливается в великолепные бедра, которые могут поспорить с холодной красотой Венеры. Костя хотел отвести глаза и не мог, какая-то колдовская сила не просто заставляла его смотреть, но и зажигала взгляд восхищением. Как великолепная актриса, женщина опустилась на колени и вдруг протянула свои красивые руки к в конец обалдевшему парню. Руки, которые совсем недавно истязали его, тянулись с мольбой и надеждой на взаимность. Костя

был почти готов протянуть свои скованные наручниками руки навстречу искусительнице.

Когда глаза их встретились – мутные, пьяные глаза мерзкой красавицы, как свист хлыста, погасили огонёк восхищения во взгляде полуистерзанного парня.

– Пошла прочь, грязная шлюха, – прошипел Костя и отвернулся к стене.

– Ах, шлюха!

Женщину какая-то сила сорвала с колен, она отскочила к противоположной стене, её мутные глаза вспыхнули пламенем безумной ненависти, если бы в её руках оказалась плеть, дни Кости были бы сочтены.

– Да, шлюха! А кто меня превратил в это чудовище? Такие кобели, как ты! Ненавижу и до конца дней своих буду ненавидеть вашу подлую породу! И я когда-то была чистой и невинной девчонкой, и у меня была мама, – крик женщины перешёл на истерический визг, – такие менты, как ты, увели маму, а меня сдали за ненадобностью в детский дом, где старшие воспитанники превратили меня в подстилку. Ненавижу!

Женщина схватила простыню, что валялась на грязном полу, и со слезами выскочила из комнаты. Закрывает ли она на засов дверь темницы, Костя не знал, не до того ему было. Истерика женщины потрясла отзывчивого на чужую беду парня. Словно и его вина была в этой исковерканной жизни. Совсем по-другому смотрел он на это несчастное чудовище, боль его истерзанного тела показалась такой ничтожной на фоне истерзанной судьбы. Костя понял, что до утра уже не заснуть, да и когда оно будет, это утро? В этом мешке без окон парень совсем потерял представление о времени. Сначала он лежал с открытыми глазами, переваривая тот заряд эмоций, что оставила ему незнакомка. Потом закрыл глаза и попытался заснуть, но тщетно. Сколько прошло времени, он не смог бы сказать, когда вдруг в доме захлопали двери, раздался топот сапог, и грубые мужские голоса нарушили сонную тишину дома. Сначала Костя подумал, что снова началась пьяная катавасия, но слабый лучик надежды всё же обжёг сознание: а вдруг Федька привёл долгожданную помощь. Тем временем в доме продолжался погром: падали какие-то предметы, скорее всего, лавки и табуреты, звенела битая посуда, но выстрелов не было слышно. Надежда Кости таяла, как ночной иней на ветках деревьев. Парень уже совсем отчаялся, когда дверь его узилища распахнулась и с факелом в руке в дверном проёме появилась фигура Грека, а за его широкими плечами маячила голова Федьки.

– Утюг, где ты там? – вглядываясь в темноту комнаты, закричал Грек.

– Ну, что ты застыл на пороге, заходи, не бойся!? – подталкивал его Федька.

– А вдруг он уже того, – прошептал с каким-то страхом Грек.

– Не дождётесь! – засмеялся Костя, и этот смех как бы подтолкнул парней, с криком они ввалились в комнату, освещая её пламенем факела.

– Живой, кореш, вот за это хвалю! – не смог сдержать крика Грек. – А ну выходи из этого гадюшника! На тебе браслетики? Смотри, Федька, как идут ему эти украшения, – нервно смеялся Грек.

В открытых дверях появилась ещё одна фигура, из-за волнения от встречи с парнями Костя не сразу заметил Андрея. А тот стоял и тепло улыбался, не мешая грубому излиянию чувств между парнями.

– Может, со мной изволите поздороваться, товарищ лейтенант? – не выдержал Андрей.

– Андрюшка! – попытался подняться Костя, но острая боль снова бросила его на пол. – Извини, друг, я немного не в порядке. Одна прекрасная дама вымещала на мне свои чувства к мужской половине разумного населения. Немного переусердствовала подруга, да ладно, я на неё не в обиде.

– Какой добросердечный у меня друг, а помнишь, как цыганок когда-то раскидывал, товарищ лейтенант?

– Кто лейтенант? Вы к кому обращаетесь, товарищ капитан? – в глазах Грека было тупое недоумение.

– Как к кому? Перед вами лейтенант милиции Утюгов Константин.

– Ну зачем ты, Андрей, наносишь парням такую травму? – смеялся Костя. – Помогите лучше мне выйти на свет Божий.

– Что, Утюг – мент? Вот это метаморфоза, вот это гол в мои ворота. Да не может этого быть, ведь он отличный парень, таких ментов не бывает.

– И тем не менее, прошу любить и жаловать.

– Ты убил меня, Утюг, я погорел, как последний фраер. Да если правильные пацаны узнают, что я спасал мента, мне руки никто не подаст.

– Я, капитан Наумов, подаю тебе руку. Поверь, в жизни есть более ценные вещи, чем ваш уголовный этикет. Есть мужская, настоящая дружба, и это очень хорошо, что на твоём пути встретился такой человек, как Утюжок. Он не предаст тебя в трудную минуту, на такого мента можно положиться. Бери его, ребята, под руки, помогите добраться до машины.

– Мы же машину оставили в полукилометре от этого дома.

– Я уже позвонил шофёру, Федя, сейчас машину подгонят.

Костю осторожно вывели на воздух, после отсидки в закрытом помещении дышалось особенно сладко. Под берёзой рядом с домом понуро сидели связанные по рукам бывшие обитатели дома. Своей знакомой среди задержанных, Костя не увидел.

– Андрей! – окликнул Костя отошедшего к кучке сотрудников капитана.
– А почему я не вижу в этой уважаемой компании своей прекрасной подруги?

– Как это ни прискорбно, дорогой, мне только что доложили, что дама покончила жизнь самоубийством, причём перед тем, как набросить на шею петлю, она почему-то разделась догола.

– Действительно, прискорбно.

Радость освобождения вдруг покрылась лёгкой плесенью грусти, отчего эта грусть, Костя не знал. Ведь не могла же смерть его истязательницы больно тронуть сердце парня. И всё же тронула...

– Товарищ капитан! – к молодым людям подошёл следователь районной прокуратуры. – Мне кажется, что мы в спешке совсем забыли о существовании геолога Матросова, парня надо было арестовать ещё утром.

– Вы правы, Николай Фомич, скроется парень, если узнает о нашей операции. Это моё упущение, и надо же так облажаться!

Андрей нервно ходил между двух берёз, не зная, что предпринять. Да и что теперь предпримешь? Об операции на реке Еловке, конечно же, будет известно всему коллективу экспедиции, ведь они забрали в партии единственную машину.

– Вот что, Николай Фомич, забирай машину, двух парней и как можно быстрее в посёлок. Надо не упустить этого геолога, если уже не упустили.

– Может, мне взять наших добровольных помощников? – следователь кивнул в сторону Грека и Федьки. – А потом надо бы написать в военкомат об участии Фёдора Носова в операции по задержанию банды. Ведь могут привлечь парня за уклонение от армии. А парень неплохой, жаль будет, если вместо армии загремит под суд.

– Потом, Николай Фомич, всё потом, сейчас главное задержать Матросова. Да не забудь машину отправить за нами.

Костя с трудом встал на ноги, сделал несколько взмахов руками, прошёлся по поляне.

– Лейтенант Утюгов к службе готов, товарищ капитан, – улыбаясь, обратился парень к Андрею.

– Не завалишься где-нибудь за валежину?

– Никак нет, голова немного кружится, а ноги уже держат. Это я от безделья ослаб, а в работе забуду о своих болячках.

– Что ж, пошли, осмотрим дом, будешь писать протокол. Сержант Кравцов! – окликнул Андрей одного из бойцов. – Возьми двух понятых из бойцов своего взвода и веди хозяина дома за нами. Пора посмотреть, как жили господа старатели.

***

Чего боялся капитан Наумов, то и произошло: в доме геолога Матросова следователь застал только заплаканную жену. На вопросы женщина не могла ничего ответить, где муж, она не знала. Полуразобранный мотоцикл геолога стоял возле дома, а это говорило о том, что далеко уйти Аркадий не мог. Но ведь он мог уйти в тайгу, мало ли куда со страха мог спрятаться парень. Следователь был в недоумении, где искать беглеца. Зашли в первый попавшийся дом. Спросили об Аркадии. Но никто его не видел. В окно Грек увидел начальника партии, Николая Фомича и распахнул створки окна.

–Герман Васильевич, может, вы скажете, где ваш подчинённый Аркадий Матросов?

– С полчаса назад мы с ним разговаривали возле крыльца конторы, а куда он ушёл, не могу знать, любезнейший.

Холодный тон начальника не обескуражил следователя, он хорошо понимал, что они сегодня поломали рабочий график предприятия. Но чем он мог помочь этому милому человеку?

<...> Начальник партии продолжил свой путь, а Николай Фомич сел на подвернувшийся табурет и задумался. А думать было о чём.

– А ведь я могу предположить, где скрывается Аркаша, – как бы разговаривая сам с собой, промямлил Федька и замолчал, будто сам испугался своей догадки.

– Ну-ка рожай, парень, раз заикнулся, – поднял голову Николай Фомич.

Некоторое время в комнате стояла тишина, казалось, Федька раздумывал, говорить или нет о своей догадке.

– Рядом с домом, где я квартирую, живёт одинокая старуха, я почти уверен, что Аркадий может прятаться там.

– У старухи? – в глазах следователя недоумение.

– Если я ошибаюсь, можете, меня расстрелять, а потом посмертно реабилитировать, но проверить бабку не мешает. Вы знаете, какая хитрая эта старуха, притворяется совсем немощной, а я подсмотрел, она бегаёт шибче любой молодухи.

– И на этом основании ты утверждаешь, что она может прятать преступника?

– Но что нам мешает проверить? – вмешался Грек, – я несколько раз видел, как к ней шастали какие-то не работающие у нас фраера. Не любовников же водит к себе бабка.

– Ну, парни, подведёте вы меня под монастырь, – почесал затылок следователь. – Ладно, ведите меня к этой бабке, но в дом к даме я пойду один. Придётся вам ждать меня снаружи.

***

Бабка сидела на своём обычном месте, возле ворот, на лавочке. В такой ранний час старуха уже занималась рукоделием – вязала свой бесконечный носок. Несомненно, такое рвение к работе казалось подозрительным, и Николай Фомич не преминул отложить в голове соответствующую фишку. Старая не удивилась ранним гостям, только руки, поддевая петлю, слегка дрожали. Но у кого они в такие годы не дрожат? Подслеповато прищурив глаза, она осмотрела ранних пришельцев, кажется, она даже Федьку не узнавала или сделала вид, что не знает.

– Доброе утро, гражданка! – вежливо поздоровался Николай Фомич.

– Какая я вам гражданка? Меня зовут Агафья Фоминична, – с достоинством ответила старая женщина, а в глазах её сверкали искорки ненависти, которые трудно притушить.

– Скажите, вы одна проживаете в доме? – Следователь не знал, как подступиться к главному, ведь у него не было ордера на обыск

– Да, уже очень давно я живу одна, муж и сыновья не вернулись с фронта.

– Сочувствую, но у меня есть сведения, что некий молодой человек скрывается в вашем доме от закона.

– Клевета! Я не в том возрасте, чтобы прятать у себя молодых людей.

Как ни в чём не бывало старая продолжала петля за петлей наращивать свой носок. Казалось, ничто не сдвинет её с места.

– Я следователь районной прокуратуры, и прошу вас пройти с нами в дом для досмотра помещения.

– Может, у вас и документ есть, позволяющий беспокоить старую женщину – вдову и мать погибших фронтовиков?

– Я не собираюсь делать у вас обыск, поэтому никакого ордера не требуется, хочу лишь убедиться, что вы не прячете у себя преступника, я обязан. Я это сделаю, несмотря на ваши возражения, пройдемте, Агафья Фоминична.

Старуха была в замешательстве, и поведение старой женщины все больше убеждало следователя, что они на правильном пути. Нехотя бабка поднялась с лавочки, сделала несколько шагов к калитке и вдруг, схватившись за сердце, медленно осела на землю возле ворот. Николай Фомич и Федька подхватили бабульку и постарались усадить её обратно на

лавочку, следовательно решил послать Грека за водой, но парня уже и след простыл. Николай Фомич повернулся к Фedyке.

– Бегом, Фёдор, в соседний дом за водой, да, может, у мужиков есть что-нибудь от сердца, хотя едва ли.

Федька уже бросился к дому, где сам квартировал, но из-за угла появился Грек, он пинками гнал перед собой жалкого, измазанного в грязи и с приличным синяком под глазом Аркадия.

– Бросайте свою старуху, – улыбнулся парень, – она комедию перед вами разыгрывала, чтобы этот фраер успел скрыться. Я сразу это понял и бросился за огороды, там самая ближайшая дорожка к лесу.

– Ну, здравствуй, красавчик, значит, в лес думал удрать? – следовательно с любопытством рассматривал задержанного.

– Раньше надо было ноги делать, – сочувственно советовал Федька.

– Что ж ты его не связал, хотя бы его же галстуком? – смеялся Николай Фомич. – Вдруг сбежит, парень-то, видно, шустрый.

– Мы тоже не пальцем деланы! – Грек был не на шутку взволнован. – Нравится мне такая работа – жмуриков ловить. А меня могут взять в ментовку, Николай Фомич?

– Наверяд ли, ведь у тебя, вероятно, имеется судимость?

– И не одна! – не может скрыть гордости Грек. – Разной мы закваски, гражданин начальник, но что-то вы перепახали во мне, как будто позвоночник переломали. Особенно Утюг постарался. Такой парень и вдруг мент! <...>

(Отрывок из повести, опубликованный в «Родных берегах №2)

Поиск

О женщины Иркутской ВнШ !
 Когда мы видим Вас, мы понимаем,
 Как эта жизнь чертовски хороша.
 Мы от души сегодня поздравляем
 Всех Вас с чудесным праздником весны
 Международным Днём 8 марта,
 И откровенно Вам сказать должны,
 Что влюблены в Вас "до инфаркта".
 Вы дарите нам чудные мгновенья,
 Как в юности, Вы молоды душой.
 Мужчины, встретив Вас, от восхищенья,
 Теряют сразу разум и покой.
 Так пусть же наш "Союз неугомонных"
 Над Ангарой сияет, как рубин,
 Он состоит из женщин увлечённых
 И по уши влюблённых в них мужчин.

С уважением,
 Анатолий Волчук

Рубрики

- [Голос провинции](#) (1)
  - [Информационная безопасность](#) (1)
  - [Крупным планом](#) (1)
  - [Территория свободы](#) (1)
  - [Точка зрения](#) (2)
-
- [Учиться по-взрослому](#) (2)

Статистика

